

Пришел, увидел, полюбил

– Расскажите, как вы пришли в Первое главное управление?
– Перед войной мы жили в Ростове. Отец был офицером, командиром бригады. Потом, когда немец к Дону близко подошел, эвакуировались в Тбилиси. Там летом 1942-го окончил десятилетку и, не дожидаясь повестки из военкомата, сам пошел в артиллерийское училище.

Мама Варвара Васильевна, истинно русская, советская женщина, меня до ворот училища проводила и благословила, всегда я об этом помнил. Так началась моя самостоятельная жизнь. В январе 1943-го после ускоренного шестимесячного обучения меня направили под Тулу в мотострелковый полк – командиром взвода управления батареи полковой артиллерии. Я должен был находиться в передовых порядках войск, давать целеуказания. Участвовал в Курской битве, потом воевал в Белоруссии, Польше, Восточной Пруссии, Германии. Закончил войну на острове Рюген – это самая северная точка рейха. Был тогда старшим лейтенантом, заместителем командира отделения разведки полка.

Две контузии, но ранен не был, тут судьба меня сберегла.

После войны демобилизовался и приехал в Москву, где жила тетка, хотел поступать в МГУ на исторический. Но знакомая моего сослуживца (она преподавала иностранный язык в МГИМО) предложила попробовать пойти туда. В те годы этот институт еще не стал инкубатором для блатных, фронтовиков брали охотно.

После того как я получил диплом о высшем образовании, поступило предложение поехать по линии МИД на курсы атташе в Пекин, для чего требовалось выучить этот тарабарский язык. А я знал английский. Да и мидовская карьера по китайской линии меня не очень прельщала: по своему складу терпеть не могу людей, которые все время улыбаются. Меня от таких людей тошнит.

Тут вокруг какая-то возня затеялась, разговоры пошли: не хотели бы вы попробовать себя на новом поприще? То, се... Я быстро понял, о чем идет речь и согласился. Так оказался в разведшколе Комитета информации при Совмине — так тогда называлась внешняя разведка.

Там начали распределять по языкам. В МГИМО преподавали английский, а я до армии немного немецкий знал — еще со школьных времен. Но направили меня, как ты думаешь, куда? На японский! Ты представляешь! И вот целый год я его зубрил. И распределили после окончания разведшколы в 1-й отдел 4-го управления, которое занималось Азией. Мы там сидели и пересматривали агентурные дела тех японцев, которые были завербованы в наших лагерях, то есть военнопленных. Сам понимаешь, какая цена этим агентам была. Да никакая! Просидел так год, а затем меня в другой отдел перевели, на Индию стали готовить.

И вот первая заграничная командировка. Из Москвы вылетел зимой в самолете «Ил-14». Ты помнишь, что это за самолет?

— Конечно. Я на таких много на севере летал. Десятки часов. И на Полюс, и по островам.

— Вот-вот. В Москве стоял лютый мороз. До Ташкента летели со множеством посадок. Потом — Кабул. Здесь надо было ждать самолета индийской авиакомпании на Дели. Сижу, жду. Неделя прошла, а самолета нет. Кстати, в Кабуле я впервые западные сигареты попробовал, помню, это был «Кэмел». Еще помню, что в нашем посольстве туалет тогда был с удобствами на улице. Просто дырки в земле. Сейчас-то, наверное, изменилось все там? Ты же в Кабуле работал, скажи...

— Не особенно. После талибов опять надо все начинать сначала. Хороший был комплекс, но эти дикари все сожгли и разрушили.

— Короче, не дождался я самолета и отправился в Индию на автобусе через Пакистан. Долго ехали.

— А в Индии, в той первой командировке, у вас были результаты?

— Да, и неплохие. Резидент сразу определил, как меня использовать, дал на связь агента из местной спецслужбы. Я с ним хорошо сработался.

— Интересно. Расскажите, как проходили ваши контакты?

— Очень просто. Мы заранее обговаривали место встречи, я приезжал туда на автомобиле с оперативным шофером, агент

к нам подсаживался, мы ехали по заранее проработанному маршруту и беседовали.

Короче говоря, та первая длинная командировка закончилась для меня вполне благополучно, и спустя два года я с хорошей характеристикой вернулся домой.

В Москве меня как перспективного сотрудника направили на годичные курсы усовершенствования. Второй раз поехал в Индию в 1961-м и уже резидентом. Там толковые ребята тогда подобрались, хорошо мы сработали. Просто чудеса иной раз творили. Ну, например, заместитель министра был завербован, начальник департамента МИД, другие заметные фигуры. Но и обстановка, надо признать, тогда для нас сложилась благоприятная, с точки зрения контрразведывательного режима.

— Расскажите, а как вы этих людей цепляли? На чем? Компромат? Деньги? Симпатия к СССР?

— Только на материальной заинтересованности. Они любили деньги, были не очень избалованы. К заместителю министра я обычно приезжал с ящиком виски — этого было достаточно, чтобы его взбодрить. Чиновник был тогда очень полезен, ведь шли боевые действия между Индией и Китаем. Еще помню одного парня, местного журналиста, шустрого, с большими связями. Он был вхож повсюду. Мы помогли ему создать и поставить на ноги свой журнал. Он стал помогать нам: рекомендовал кандидатов на вербовку, сам делал подходы к интересным людям.

— Это правда, что Индира Ганди была нашим агентом влияния?

— Агенты влияния... Хм... Такой термин есть и его очень активно использовал ваш брат, журналист, в поздние перестроечные годы. Ну ты понимаешь, о чем и о ком я говорю...

— Александр Николаевич Яковлев?

— В частности и о нем. Крючков убеждал Горбачева, что Яковлева американцы подцепили еще в годы его стажировки в Колумбийском университете. Однако, посидев в следственном изоляторе, Крючков отчего-то в дальнейшем уже не поднимал этот вопрос. Темное дело.

Теперь о том, кто такие агенты влияния. Это крупные деятели, которые могут принимать важные политические решения, выгодные для тех, кто имеет с ними дело. Но практически никогда здесь речь не идет о классической вербовке. Такие агенты (если их вообще можно назвать «агентами») возникают на почве идеологической близости или совпадения интересов

в какой-то определенный период или в какой-то определенной ситуации. Лично я не верю в завербованных агентов влияния.

Взять ту же Индиру Ганди. Мне приходилось неоднократно общаться с ней. Ну и что? У нас совпадали многие взгляды на серьезные внешнеполитические проблемы, нам было выгодно то, что она делала на посту премьер-министра, а ей, в свою очередь, шло на пользу то, что делали мы. Агентом влияния ее мог назвать тот, кто хотел выхлопотать себе орден.

— Но где-то я читал, что на поддержку ее политической партии КГБ выделил десять миллионов долларов — огромная по тем временам сумма...

— Ну, во-первых, не КГБ, а советское государство и в первую очередь ЦК КПСС. Мы выступали лишь курьерами в передаче денег. А во-вторых, это была обычная практика: Москва материально поддерживала своих союзников, американцы — своих. Думаю, что американцы выделяли гораздо больше денег на подобные цели. Во всяком случае, знаю по опыту своей работы в Италии, сколько они тратили на то, чтобы не допустить к власти компартию.

Заканчивая про Индию, хочу подчеркнуть, что это была для меня хорошая школа. Большое государство, крупная резидентура, обширное поле деятельности.

Когда я вернулся из Дели, меня перевели в американский отдел и стали готовить к поездке в Вашингтон. Мой прежний начальник по азиатским делам отговаривал: «Куда ты идешь? Там чужаков не терпят, быстро тебе рога обломают. А у нас ты в полном порядке, через пару лет станешь начальником отдела вместо меня». Но я о карьере не думал, хотелось интересной боевой работы, а где ее еще искать как не в Штатах — там ты лицом к лицу с главным противником. Но сначала я в «короткую» туда съездил — надо было проверить, как американцы на меня отреагируют.

— Ну и как они отреагировали? Они знали, кто вы есть на самом деле?

— Знали. Сто процентов. Еще в Индии меня вывели поработать с одним англичанином, якобы журналистом, который оказался подставой. Он наверняка меня сдал.

— Знали и все же дали вам визу, разрешили работать?

— Так часто бывало. Контрразведке любой страны проще, когда наш сотрудник уже выявлен, не надо гадать, шпион он или нет.

— У вас, Борис Александрович, как я знаю, много учеников. А кого вы сам считаете своим учителем? Был такой человек?

— Конечно, был, — суровое лицо Б.А. сразу разгладилось. — Дядя Вася. Василий Иосифович Старцев. Вот о ком бы книгу писать. Выдающийся человек! Когда я начинал, он возглавлял 7-й отдел Первого главного управления, который отвечал за Южную и Юго-Восточную Азию. До этого работал в Монголии и Югославии.

Ты ведь, наверное, знаешь, что наше начальство было скуповато на государственные награды. Редко кто медали или ордена удостоивался. А дядя Вася имел полный иконостас: ордена Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды... При нем тот обширный участок земного шара — от Японии до Ирана — был нами плотно освоен: крупные вербовки, важная информация, активные мероприятия... И ни одного случая предательства!

Старцев как раз полностью соответствовал тем строгим критериям, о которых я много лет твержу. Творческий подход к разведработе, тщательный отбор талантливых и смелых людей, нацеленность на результат, умение рисковать. При этом начальство не очень жаловало дядю Васю: резок, неуступчив, задницы никому не лизал.

Не только я могу считать себя его учеником — добрая половина всех руководителей нашей разведки обязана Старцеву. Если я начну перечислять, у тебя рука устанет. Там и Шебаршин, и Трубников, и Гурганов... Одних генералов десятка полтора.

Наверное, я ему подсознательно в чем-то подражал. Например, дядя Вася тоже не избегал ненормативной лексики, мог так сказать, что у молодых уши в трубочки сворачивались. Но только по делу. И только с теми, кого уважал, кто его мог правильно понять. Старцева за это много раз пропесочивали на разных партбюро. Он извинялся, обещал, что больше такого не повторится.

Его могли бояться и даже ненавидеть, но зато все без исключения признавали высочайший профессионализм дяди Васи.

Двенадцать лет он возглавлял территориальное подразделение, а затем еще четыре года был заместителем начальника ПГУ по кадрам. «Ушли» его с подачи Крючкова, который, став начальником разведки, сразу принялся расставлять своих людей. Ясно, что их взгляды на подбор кадров были диаметрально противоположными. Старцев категорически не терпел всяких бездельников, нечистых на руку, трусов, глупцов, блатных. При

Крючковые же главными стали другие критерии: личная преданность, умение угодить начальству, «правильно» доложить. Конечно, они были абсолютно несовместимы.

Выкинули его в одночасье: просто позвонили вечером по телефону домой и сказали, что завтра на работу он может уже не приходиться. Ни спасибо, ни до свиданья...

...Генерал явно увлекается воспоминаниями, ему доставляет удовольствие погружаться самому и меня погружать в свое прошлое. Но, увы, мне пора прощаться. Я не слишком деликатно говорю ему об этом. Он опять хмурит свои брови.

— Все спешишь куда-то. Бегом, бегом... А говорил, что пришел навсегда.

— На работу надо, в редакцию, — виновато оправдываюсь я. — Но в следующий раз подольше побуду. И давайте тогда поговорим об Уокере?

— Ну давай, — сразу отходит он. Эта тема явно ему по душе.

Джон Уокер

Ранним осенним вечером 1967 года в калитку советского посольства в Вашингтоне как-то боком неуверенно проскользнул человек. Отворив массивную дверь диппредставительства, он на английском обратился к дежурному:

— Хочу встретиться с человеком, который у вас отвечает за безопасность.

За спиной посетителя тут же вырос посольский охранник и выжидательно посмотрел на дежурного. Тот кивнул. Затем гостя проводили в маленькую комнату рядом с входом и велели ждать.

— Какова цель вашего визита к нам? — улыбаясь, спросил его вошедший сотрудник посольства.

— Если вы из службы безопасности, тогда я отвечу на этот вопрос, — явно нервничая, сказал гость.

— И все же?

— Хотел бы предложить вам сделку. Деньги взамен на материалы, которые могут заинтересовать ваше правительство.

Дипломат оставался невозмутимым.

— Это очень ценная информация военного характера, — с нажимом продолжал посетитель. — Я принес с собой коды от шифровальной машины. — Он вынул из кармана и протянул листок с какими-то цифрами.

— Посидите пока здесь, а я скоро вернусь, — ответил дипломат, забрав с собой листок.

Минут через пятнадцать он действительно пришел обратно, однако на сей раз не один, а в сопровождении хмурого человека средних лет, который явно был здесь большим начальником. Он внимательно оглядел гостя с ног до головы, а затем спросил торговца секретами, как его зовут.

— Джеймс, — ответил тот. — Джеймс Харпер.

— Ну допустим, — недоверчиво ответил русский. — А у вас есть с собой какой-то документ, удостоверяющий личность?

— Зачем вам?

— И все же, — дипломат был явно настроен настоять на своем. После некоторой заминки американец достал бумажник и вынул оттуда свое военное удостоверение.

— Джон Энтони Уокер-младший, — прочел вслух дипломат. И, вернув гостю его документ, добавил с издевкой:

— Благодарю вас, мистер Харпер.

Затем похожий на начальника русский пригласил гостя за стол и спросил, каким временем тот располагает.

— Ровно таким, чтобы меня не засекали агенты ФБР, — нервно ответил американец.

— О'кей, — согласился неулыбчивый дипломат. — Но мы должны задать вам несколько вопросов.

— Валяйте, но только побыстрее.

— Вам придется набраться терпения, — опять осадил его хмурый. — Слишком высоки ставки в этой игре, не так ли?

Затем он, стараясь быть максимально доброжелательным, стал задавать посетителю свои вопросы. Его интересовала служба Джона Уокера на американском военном флоте, степень его допуска к секретным документам, семейное положение американца, его домашний адрес. Он спросил, думал ли тот заранее над условиями их будущих встреч и какие мотивы лежат в основе его поступка.

— Деньги, вот и весь мотив, — выпалил Джон Уокер. — Хочу прилично заработать. Я приношу вам информацию, вы мне платите.

Русский, кажется, остался доволен этим ответом, но все равно продолжал свой нудный допрос, словно выполняя какую-то неведомую, но обязательную процедуру. Так он спросил Джона, знаком ли тот с трудами Маркса, что думает о жизни в Советском Союзе и как относится к войне во Вьетнаме.

— Я пришел к вам исключительно ради бизнеса, — наконец с раздражением прервал гость дипломата. — Никакой политики. Только деньги. Если вы согласны, то мы можем ударить по рукам, если нет, то — до свидания.

Посреди этого долгого разговора дверь в кабинет открылась, и в комнату вошел еще один сотрудник советского посольства. Он с явным почтением наклонился к уху «хмурого начальника» и что-то прошептал ему. Босс кивнул, не выразив ни малейших эмоций. Однако дело после этого, кажется, пошло быстрее.

Они без особых проблем обговорили условия сделки: американец обязуется регулярно поставлять русским ключи к шифрам и другую секретную информацию, а те гарантируют ему еженедельную плату в размере от 500 до 1000 долларов наличными. Русский сказал, что в целях безопасности личные контакты надо будет свести к минимуму, а все передачи производить через тайники: информацию от Джона и деньги от КГБ. Американец не возражал.

— Вам виднее, — приободрился он, услышав согласие на счет долларов.

— Тогда будем считать, что сделка состоялась, — тоже слегка размяк «хмурый начальник». — Вот вам первый гонорар, — он вручил Джону конверт. — Здесь ровно 2000 долларов. Следующая встреча с нашим человеком состоится через две недели в торговом центре города Александрия, штат Вирджиния.

— Знаю это местечко, — кивнул Джон. — Только не могу взять в толк: вы же сказали, что в целях моей безопасности контакты будут через тайники.

— Вот именно, — опять нахмурился русский. — На этой встрече наш коллега познакомит вас с местами и условиями закладки тайников, вы сообща оговорите даты, а также все другие вопросы. Я сейчас расскажу вам, как и где точно вы сможете встретиться...

— Я могу это записать? — Джон полез в карман за блокнотом.

— Ни в коем случае. — грубо оборвал его русский. — Никаких записей. Никаких следов. Так будет лучше для вас и для нас тоже. А теперь мы должны попрощаться. Вам помогут покинуть здание посольства так, чтобы агенты ФБР ничего не заметили.

В соседнем помещении на Джона натянули длинный плащ, на голову нахлобучили шляпу. Затем вывели в глухой посольский двор, где прямо у подъезда уже стоял «под парами» легковой автомобиль. Его усадили на заднее сиденье, так чтобы с улицы не было видно лица американца, а затем машина долго кружила по вашингтонским кварталам. Наконец в каком-то глухом тупике она остановилась, и Джона довольно бесцеремонно вытолкали наружу.

Так началась шпионская история, которая в годы холодной войны нанесла самый крупный ущерб военному потенциалу США. Она продолжалась почти восемнадцать лет и в нее прямо или косвенно оказались втянуты самые разные люди по обе стороны океана.

Тем человеком в российском посольстве, который взял на себя ответственность поверить визитеру и завербовал его в агенты, был резидент советской разведки полковник Борис Соломатин.

Они больше никогда не встречались с глазу на глаз — резидент и его агент, однако тот осенний день наложил отпечаток на всю последующую жизнь того и другого.

О Соломатине у нас речь еще впереди. А теперь о том, что стало с Джоном Уокером.

Дежурный офицер штаба Атлантического флота Джон Уокер очень хотел стать богатым. Таким, чтобы иметь виллу, яхту, личный самолет, чтобы красивые девочки сами вешались ему на шею, а уик-энды можно было проводить на Багамах. В самой этой мечте нет ничего плохого, но все дело в том, какие пути ведут к богатству. Младший офицер американского флота не имел ни влиятельных родственников, ни надежд на крупное наследство, ни выдающихся способностей, которые бы вознесли его к вершинам благополучия. Единственное, что он имел, это доступ к секретам Военно-морских сил США.

К счастью, этим товаром Джон обладал в избытке: устройство шифровальных машин и ключи к ним; стратегические планы флота на случай начала третьей мировой войны; расположение подводных микрофонов, которыми Штаты нашпиговали все подходы к своему побережью, опасаясь вражеских подлодок; коды для запуска ракет с ядерными боеголовками; слабые места спутников-шпионов. И еще много всякого другого, что, как он полагал, может заинтересовать советскую разведку.

И Джон не ошибся. С самого начала он сказал себе: «Раз ты встал на эту тропу, то должен идти по ней до конца. Ты обязан стать самым лучшим шпионом в истории».

И ведь стал! С помощью этого парня в Москве получили и расшифровали более миллиона (!) самых сокровенных документов, касающихся военной мощи США. Благодаря ему наши подлодки могли скрытно заходить чуть ли не в нью-йоркскую гавань. Наши адмиралы читали приказы американского командования едва ли не раньше командиров их авианосцев. И продолжались все эти чудеса, как я уже сказал, без малого восемнадцать лет.

После того первого визита в советское посольство Уокер еще только один раз встречался с сотрудником КГБ на терри-

тории США. В Москве сразу осознали, какой ценный источник они приобрели, а потому было сделано все, чтобы максимально обезопасить его. Лично Юрий Андропов распорядился жестко ограничить круг лиц, знавших о существовании агента. Было решено, что все встречи с ним будут проходить на территории третьих стран, а передача материалов (от Уокера) и денег ему (от КГБ) — осуществляться исключительно через тайниковые закладки.

Быстро войдя во вкус, Джон Уокер, как истинный бизнесмен, решил, что дело необходимо расширять, для чего вскоре привлек к краже секретов своего друга Джерри Уитуорта, служившего на тихоокеанском побережье в Сан-Диего. При этом он, правда, прибег к уловке, пояснив приятелю, что украденные секретные документы будут передаваться союзникам американцев — израильтянам.

Но и это еще не все. Через некоторое время Джон завербовал своего старшего брата Артура, а затем и своего сына Майкла, также служивших в военно-морском флоте. Попытался втянуть в шпионаж и дочь Лауру, но она отказалась участвовать в этих играх. Однако и без того Уокер самостоятельно создал агентурную сеть на территории США, — и в этом смысле ему тоже не было равных в истории шпионажа времен холодной войны.

Цинизм этого агента не знал преград. Когда однажды ему потребовалось перевезти из Европы в Штаты крупную партию долларов, врученных связником КГБ, то Джон использовал свою родную мать. «Кому бы пришло в голову обыскивать в аэропорту милую пожилую леди», — так объяснял он это позже. Когда его сильно пьющая жена Барбара, узнав о том, чем занимается супруг, пригрозила донести на него в ФБР, Джон в ходе встречи со связником в Вене сказал ему:

— Почему бы вам не убить ее?

Однако офицер КГБ никак не прореагировал на это предложение, из чего Уокер заключил, что ему самому придется решать проблему Барбары.

Все его мечты исполнились: самолет, яхта, девочки, отдых на Багамах...

Удивительно, но хваленой американской контрразведке все эти годы не казалось странным, что младший офицер флота ведет себя так, словно он нефтяной шейх или банкир с Уолл-стрит.

Как же в итоге «проколотся» Джон Уокер? По официальной версии, которую обнародовали затем авторы многих статей и книг, вышедших за океаном, его-таки сдала Барбара, сильно обозленная на Джона, к тому времени расставшегося с ней и целиком погрязшего в пучине разврата.

Борис Соломатин считал, что провал стал следствием неумеренных трат Уокера, которые рано или поздно должны были вызвать подозрение у ФБР. Частный самолет, яхта, роскошные пирушки...

Но есть и другая версия: агента сдал «крот» в ПГУ подполковник Мартынов. Находясь якобы в отпуске, он случайно услышал об Уокере и тут же сообщил об этом американцам.

Как бы там ни было, а в мае 1985 года контрразведка после нескольких месяцев тайной разработки агента приступила к заключительной фазе операции «Летучая мышь». По плану было решено взять Джона во время тайниковой операции, а заодно арестовать с поличным и его связника из КГБ. Однако наш офицер, почуяв неладное, сумел ускользнуть из расставленной ловушки. На Уокера же была организована самая масштабная облава в истории ФБР. В ней участвовала почти сотня оперативников, несколько десятков машин, включая двадцать грузовиков (для маскировки) и даже специальный самолет. В итоге сначала арестовали Джона, а затем и всех других участников его агентурной сети.

Запираться никто из них не стал. Джона и Артура приговорили — первого к двум пожизненным срокам плюс 100 лет в придачу, второго к трем пожизненным и штрафу в четверть миллиона долларов. Джерри получил 365 лет тюрьмы, Майкл — 80 лет с возможностью просить о помиловании через 16 лет.

* * *

— Генерал, давайте сейчас вспомним детали того вечера, когда к вам Уокер пришел. Как все происходило? Это же, как потом выяснилось, был судьбоносный вечер — и для вас, и для американского шифровальщика. Вы понимаете?

— Так и есть. Но ты меня убей, а я не помню день и даже месяц, когда это случилось. Год помню — 1967-й. Осень. Все уже облачились в плащи и шляпы. А дата... Года три или четыре назад я обратился в СВР с просьбой уточнить дату, но как-то замотали мой запрос.

Ладно, попробую сейчас восстановить детали. Я сидел в своем кабинете на 4-м этаже посольского здания, в резидентуре. Помещение маленькое, тесное, мы как мыши там были. Один из наших ветеранов (его фамилия Соколов), вспоминая тот эпизод, пишет в своей книге, что в это время в посольстве для сотрудников и членов их семей кино показывали. Чистое вранье! Какое кино, если было еще светло, то есть продолжалось рабочее время. Приходит ко мне наш оперативный работник Букашев: «Там явился интересный американец с предложением о сотрудничестве. Уверяет, что из Норфолка». Про Норфолк всем было хорошо известно, что там крупная военноморская база и командование Атлантическим флотом. Там также размещались атомные подлодки, которые ходят к нашим берегам, несут службу и в Атлантике, и в Средиземном море.

Я немедленно спускаюсь вниз. У нас для подобных ситуаций была предусмотрена специальная каморка недалеко от входа. Пригласили туда нашего гостя. Я спрашиваю: «Чего вы хотите?» Он назвал имя, явно вымышленное. Сказал, что служит в Норфолке, на базе ВМС. Ага, уже интересно. Говорю ему: «Покажите ваше удостоверение». Он заерзал. Но вытаскивает из кармана удостоверение. Я беру, читаю, так и есть: имя другое. А рядом — наш сотрудник. Я ему: «Иди побыстрее наверх, сфотографируй удостоверение и возвращайся».

Начинаем разговор. Уокер говорит о своих возможностях по торговле секретами. Оказывается, он не только шифровальщик, но и хранитель шифров, а также технических руководств к шифросистемам. На эту встречу он принес и показал месячный ключ к одной из шифромашин. Это листок размером с тетрадный, а на нем — пятизначные группы цифр на каждый день, то есть ключевая таблица. И я беру у него эту таблицу.

— Подождите, генерал, что значит «беру»?

— Беру! Я сразу такую позицию занял, чтобы сомнений не было, кто здесь хозяин. Я его спрашиваю: «Это копия?» Он отвечает: «Да». И я беру этот листок, прошу своего сотрудника отнести нашим шифровальщикам — пусть оценят. Потом спросил его о биографических данных, его проблемах, мотивах. Он объяснил, что пришел с единственной целью заработать: «Если вы будете хорошо платить, я готов передавать интересную информацию». Оказывается, «хорошо платить» — примерно пара тысяч долларов. Ты не улыбайся, по тем временам это и вправду были неплохие деньги. Например, тогда пач-

ка сигарет «Винстон» в нашем посольском магазине стоила всего пятнадцать центов. Отвечаю ему: «Это зависит от вас и от качества передаваемых вами материалов. Возможно, вы будете получать и больше». Говорили мы с ним часа два. Обсудили условия дальнейшей связи, я дал ему деньги, по-моему, две или три тысячи. Потом в машине резидентуры вывезли его из посольства и благополучно высадили на одной из улиц.

Моя интуиция подсказывала, что это не подстава. Возможно, авантюрист, не связанный ни с какой идеологией. Не было смысла уговаривать его помочь нашей борьбе за мир во всем мире. Сначала я решил, что он весьма ушлый, но потом засомневался, когда легко разоблачил его фокус с чужим именем. Он пришел заработать и этого не скрывал.

– Он волновался? Потел?

– Да, волнение сквозило в его поведении. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке, помнил о том, что его могут повязать фэбээровцы при выходе из посольства. О том, насколько он тогда нервничал, можно судить по тому, что, когда его много лет спустя арестовали и предъявили ему для опознания фотографии сотрудников нашего посольства, он никого узнать не смог.

Я подобрал человека для связи с Уокером, это был работник с дипломатическим прикрытием, в ранге первого секретаря посольства. Важно было иметь дипломатический иммунитет, так как мы сильно рисковали: вдруг нашего человека ждет засада?

– А как фамилия этого работника?

– Неважно. Он сидит себе тихо, не высовывается.

– Но ведь, если мне не изменяет память, ваш коллега Соколов, работавший по линии внешней контрразведки, его в своей книге называет. Пишет, что это был Юрий Линьков, награжденный впоследствии орденом Ленина.

– Верно, он и дальше работал с Уокером. Но ты знаешь, что у англичан есть такой закон, по которому, если ты называешь фамилию разведчика без его ведома (даже если эта фамилия уже фигурировала в печати), то тебя могут посадить на десять лет.

– Борис Александрович, но мы же не в Англии живем.

– Ладно. Я тебе другое хочу подчеркнуть. Видишь, как грамотно мы сработали. Чтобы тебе было понятно, я напомним о том, как поступили в аналогичных случаях два других резидента – Якушкин в Вашингтоне и Гук в Лондоне. На вашингтонского коллегу вышел работник ЦРУ с предложением о со-

трудничестве (он опустил в почтовый ящик нашего посольства письмо), однако резидент не ответил. Тогда американец через посольский забор перебросил целый сверток с секретными документами. Что ты думаешь с ними сделали? Резидент и офицер по безопасности Юрченко (да, тот самый, который несколько лет спустя дал деру к американцам), даже не вскрыв сверток (ты представляешь, какие это были нелюбопытные люди!), передали документы американским полицейским, охранявшим нашу территорию. В итоге цэрэушник был изобличен, получил тюремный срок. Вот такой оказалась цена перестраховки. И ты думаешь, кто-то из виновных понес за это наказание?

— Однако я где-то слышал, что Юрченко испугался: вдруг там взрывное устройство?

— Не знаю, чего он испугался, но потенциально ценный источник был потерян.

В Лондоне свои услуги нам предложил контрразведчик из МИ-5, однако резидент не отреагировал. Тогда англичанин решил полететь в Вену, где хотел обратиться в посольство СССР, надеясь на более теплый прием. Во время посадки в самолет его и взяли, а при нем обнаружили большое количество сверхсекретных документов. Видимо, его сдал предатель Гордиевский, который тогда был замом у Гука и уже работал на англичан.

Игра «в поддавки» была любимой у всех разведок. Есть известная история, когда наши соседи из ГРУ сильно погорели на этом деле.

Американская военная разведка подвела им сержанта, который был связан с производством химического оружия. И вот этот сержант больше двух десятилетий гнал дезу. А ты представляешь, каков это ад для контрразведки: надо было снабжать сержанта документами, которыми он кормил русских, причем делать так, чтобы документы казались правдоподобными и при этом не раскрывали важных военных или государственных тайн.

Погоди, сейчас вспомню подробности... Помощник нашего военно-морского атташе поигрывал в волейбол с американцами — чтобы связи копить, выходов на людей побольше иметь. И вот как-то раз отыграл он, выходит с площадки в парк и видит на скамеечке военного в форме. Подсел к нему, заговорил. Парень оказался сержантом, служил в какой-то оборонной организации. Между ними установился контакт. Но наш человек

не знал, что сержант едва ли не с первых дней доложил о своем новом русском друге в контрразведку. Там решили разыграть комбинацию. И разыграли. Сержант имел какое-то отдаленное отношение к разработке химического оружия, служил в Эйджвудском арсенале. Так, решила контрразведка, эту карту мы и используем. А наши военные купились сразу. В Союзе тогда тоже работали по этой проблеме и имели страстное желание знать, как далеко и в какую сторону продвинулся противник.

Да, это была классическая подстава. И заметь, главным героем в ней выступал не профессиональный разведчик или контрразведчик, а обычный сержант, практически лох. Но фэбээровцы с ним хорошо поработали. Они сделали так, чтобы он получил доступ к секретным разработкам (ценность агента возросла), стали давать ему для передачи ГРУ реальную информацию по нервно-паралитическому газу.

— И что же, выдавали свои собственные секреты? Играли против себя?

— Э нет. Как раз наоборот. К подобной комбинации были подключены Пентагон, Объединенный комитет начальников штабов, другие ведомства. И вот что они придумали. Штаты долгое время вели исследования по этому нервному газу, стараясь увеличить его боевую эффективность. Однако в какой-то момент поняли, что путь, которым они шли, тупиковый. И тут появляется покупатель от ГРУ. И американцы решают втюхать свой гнилой товар нам, то есть и нас затащить в этот тупик.

Столько лет они кормили нас своей дезой, а наши дураки в Москве оценивали их информацию как первоклассную. Офицеры, работавшие с сержантом, получали ордена и повышение по службе. Сколько народу в ходе этой подставы «засветилось»! Дольше всех с сержантом на связи был офицер по фамилии Д. Он, прощаясь с агентом, даже слезу пустил. Ты представляешь степень этого идиотизма?

Получается, что в ходе той операции американцы решили две задачи — нейтрализации целого ряда оперработников вашингтонской резидентуры ГРУ и ослабления оборонной мощи Советского Союза.

Сейчас, как я понимаю, тот сержант безбедно живет на деньги, которые ему щедро отваливали наши военные разведчики за «секретную информацию». Часть из этих денег у него забирало ФБР, для того чтобы как-то компенсировать расходы по осуществлению своей операции. Интересно, что есть у этой

эпопеи и жертвы: два агента ФБР, пилотировавшие самолет, с помощью которого велось наблюдение за тайниковой закладкой, погибли, когда самолет упал в озеро.

Я тебе это к чему рассказываю? Все к тому же. Ты представляешь, как можно спалиться, особенно в случае с инициативником?

— Это интересная и важная тема — «разведка и риск». Каковы границы риска, и есть ли они вообще? Встречались ли вам «в поле» по-настоящему смелые люди?

— О, тут ты прав на все сто процентов. Очень важная тема. Вот ты спрашивал меня, кто горел на рискованных операциях? Я, честно сказать, таких не помню, хотя они и были. Но гораздо больше было оперативников, которые перестраховывались. Пинком под зад выгоняли людей, приходивших к нам с предложениями о сотрудничестве. Тут дилемма. С одной стороны, оперативный сотрудник хочет работать, получать результаты. С другой — боится оказаться жертвой подставы, провокации. Это чисто человеческая, понятная слабость. Можно враз потерять все: загранкомандировку, работу, должность... Такой сотрудник думает: напишу-ка я начальству, что человек, обратившийся к нам, выглядит очень подозрительно, а предлагаемые им документы ценности не представляют.

А я в таких случаях всегда старался разобраться, извлечь из ситуации максимальную выгоду. Ведь даже если обратившийся к нам иностранец является подставой, то он все равно видел тебя, беседовал с тобой, ты уже раскрыт, «засвечен».

Вспоминаю такой случай. У нас в Нью-Йорке на Лонг-Айленде была посольская дача с большой территорией, обнесенной забором. Целый дворец с шикарными залами, дорогой мебелью, бильярдной. Там, кстати, Громыко любил отдохнуть после трудов праведных. И вот однажды некто бросает через забор этой резиденции записку: «У меня есть интересующие вас материалы. Предлагаю встретиться». И номер телефона для связи. Мы позвонили ему из автомата, попросили передать материалы, которыми он располагает. Через некоторое время через забор был переброшен следующий пакет — там была довольно интересная информация по военной тематике. Хорошо. Заложили для агента в тайнике деньги, по телефону сообщили, где тайник. Попросили теперь информацию более конкретную — в развитие той, которую он нам уже подбросил. Опять тем же способом агент переправил нам порцию документов. Инфор-

мация реальная, без туфты. Мы ему в обмен деньги через тайник. И по телефону: куда за ними явиться. Все чисто, безлично: сначала тайничок закладываем, потом по автомату звоним — куда курс держать. Никакого риска. Теперь попросили его дать нам более конфиденциальную информацию, поглубже запустить лапу в секреты. Исходили из того, что человек обязательно располагает такими возможностями — это следовало из уже полученных материалов. И если он не подстава, то передаст нам то, что мы просим. «Нет, — отвечает. — Этого я вам дать не могу».

Стали анализировать. Проверять. Явная провокация. Но сыграли, как видишь, по нулям. А бывало и по-другому.

Как я тебе уже говорил: получают наши товарищи предложение о сотрудничестве от анонима и прямиком идут с этим предложением в ФБР, дескать, прекратите эти провокации. А в ФБР не дураки сидели, они, как правило, легко вычисляли человека, пожелавшего вступить в контакт с русскими. И сразу — пожизненное заключение. Так было и не раз. Вот цена перестраховки и глупости.

Таких примеров я тебе много могу привести — по США, Великобритании, по другим странам.

— Но вернемся к нашему любимому Уокеру. Скажите, а кто, кроме вас, в тот осенний день, знал о его приходе в посольство?

— Я, Калугин, который был моим замом по линии ПР, Букашев, Митяев (он готовил информационные материалы для отправки в Центр), еще один сотрудник (не хочу его называть) и оперативный водитель...

— И, видимо, Соколов, который, как он пишет, был тогда дежурным по посольству.

— Может быть. Все эти люди знали о неожиданном визитере или даже видели его, но никто, кроме меня, не располагал подробностями: кто он, чего он хочет.

— Погодите, генерал, но ведь вы говорили, что материалы, принесенные Уокером, были показаны шифровальщику резидентуры, чтобы тот определил их ценность.

— Верно. Но ты спрашиваешь, кто видел нашего гостя. А шифровальщик точно видеть его не мог. Он просто подтвердил: да, ценная информация.

— А это правда, что Уокер за семнадцать с лишним лет своей работы на КГБ передал нам более миллиона военных секретов США? В книге американского автора Пита Эрли фигурирует такой факт.

— Когда этот писатель готовил свою книгу про семью Уокеров, то приезжал в Москву, мы встречались. Он произвел на меня впечатление серьезного человека. Мне показалось, что ему можно верить. Не знаю насчет миллиона, но знаю, что благодаря Уокеру как минимум пять человек у нас получили звание Героя Советского Союза.

— Пять? Для меня это выглядит неожиданно.

— Да, — наслаждается он произведенным эффектом. — Четыре командира атомных подлодок. Они, располагая нашей информацией, имели возможность проходить все заграждения и подкрадывались вплотную к берегам США, чуть ли не в нью-йоркскую гавань входили. А пятым был наш парень по фамилии Г., сотрудник, который долгое время был на связи с Уокером.

— Да, мне про Г. ваш коллега Черкашин рассказывал. А это правда, что Г. стал первым Героем в разведке за все послевоенные годы? И что золотую звезду ему вручили с подачи Брежнева, который высоко ценил эту эпопею с Уокерами? Черкашин говорил, что Крючков был очень этим недоволен. Ревновал. Говорят, после вручения Г. награды Крючков вызвал его к себе и сказал буквально следующее: «Чтобы я вас со звездой никогда не видел». И наш сотрудник никогда свою звезду не надевал. От греха...

— Ну, если тебе Черкашин рассказал, тогда это правда. Ему можно верить. Серьезный человек. Он ведь и сам орден Ленина получил — редчайший случай для оперработника. Крупные вербовки за ним числятся.

Г., а затем другой наш оперативник встречались с Уокером один или два раза в год, и проходили такие встречи обычно на территории третьих стран, где-нибудь в Австрии, Алжире или Мексике.

Г. принял Уокера у Линькова в вашингтонской резидентуре в конце 1960-х. Линьков до этого провел три или четыре тайниковые операции и на этом его командировка в Штатах завершилась. Прибыл Г., который до этого занимался Эфиопией, был там дважды и даже один раз резидентом.

— Его, что же, понизили? — не понял я. — Был резидентом, а в Вашингтон направили рядовым сотрудником?

— Да ты что? Тут другое дело. Каким рядовым! Этот человек прибыл в Вашингтон как спецпредставитель Центра с особыми полномочиями. Он никому не подчинялся. Много лет резиденты — сначала Якушкин, потом Полоник — пытались вы-

яснить, чем занимается Г., кто у него на связи, где материалы, которые он получает. Да, многое бы они дали, чтобы узнать хоть что-то. Он проводил и тайниковые операции, и встречался с Уокером лично — за пределами Штатов.

Его неоднократно принимал Андропов. Однажды, накануне поездки Брежнева в США, он ему сказал: «Учти, если Уокер провалится и за этим последует международный скандал, то сначала полетит с плеч твоя голова, а следом моя».

Я тебе еще раз хочу сказать, что информация, которую давал Уокер, была бесценной. Она позволяла нам расшифровывать телеграммы и военного ведомства, и ЦРУ, и госдепа. Во многом благодаря Уокеру мы знали об истинных намерениях американцев, их планах и действиях во время арабо-израильских конфликтов, в ходе иранского кризиса 1979 года. Тогда Андропов в очередной раз докладывал ситуацию Брежневу. Генсек умилился: «Скажи мне, Юра, где это вы нашли такого мужика, который нам так помогает? Я ведь с его помощью все знаю, все их тайны. Какой молодец!» Этот разговор, видимо, стал толчком к тому, чтобы наградить Г.

В 1973 году в резидентуру пришла телеграмма из Центра о том, что он закрытым указом награжден орденом Ленина.

— Стоп, — восторженно воскликнул я. — Он же Героя получил.

— Героя, правильно. Но почему-то сообщили об ордене Ленина. Такой орден давали вместе с золотой звездой, как ты знаешь. Резидент Полоник, конечно, всполошился. Он сел, задумался: «Ну, если этому сотруднику орден Ленина, то мне тогда что дадут?»

Сам связник мне лично рассказывал, что в ходе встреч с Уокером он все время говорил ему о важности конспирации, о том, что нельзя ни на минуту терять бдительность, нельзя сорить деньгами.

— Да, я помню по приведенным в книгах воспоминаниям Уокера, как он ценил эти контакты. Естественно, я имею в виду книги, изданные за рубежом. Кстати, в одной из них было написано, что секретным указом Джону Уокеру было присвоено звание адмирала советского флота. Кажется, это Гордиевский написал.

— Чуть собачья. Да и подумай сам, зачем ему это звание? Уокер никогда не думал о том, чтобы переехать на жительство в СССР. Ему и в Штатах было неплохо: свой самолет, яхта, отдых на Багамах с девочками... Получил все, что хотел. Вот тебе